

Лика Лонго
ЛЮДИ
БЕЗДНЫ

Морский Е

ОНИ НЕ ВАМПИРЫ И НЕ ЛЮДИ — ОНИ МОРСКИЕ

Морские

Ли́ка Лонго

Люди бездны

«АСТ»

2013

Лонго Л.

Люди бездны / Л. Лонго — «АСТ», 2013 — (Морские)

Морские – удивительные люди, обладающие необычными способностями. Уже много веков они хранят свою тайну. Но для любви препятствий не существует. Полина, обычная девушка, и Саймон, один из самых красивых юношей из рода Морских, должны пожениться. Но чем закончится свадьба, которой не должно было случиться? А Какие тайны друг о друге им еще предстоит узнать и через какие испытания пройти? Ведь зло уже начало набирать свою силу и подниматься со дна бездны...

© Лонго Л., 2013

© АСТ, 2013

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Лика Лонго

Люди бездны

Глава 1

Я вовсе не так представляла свою будущую свадьбу. Если честно, я вообще никак ее не представляла. Ну, разве что в первом классе: мне тогда очень нравился один мальчик, и я воображала, как мы с ним поженимся. И почему-то грезилось, что это произойдет на Красной площади, часовые у Мавзолея будут отдавать нам честь, а люди, пораженные моей красотой, будут кричать «Ура!» и кидать под ноги белые розы.

И вот я в бабушкином доме в приморском поселке Бетта – сижу на продавленной кровати в своей комнате и собираюсь пригласить лучшую подругу из Москвы на свою свадьбу.

Машкин голос, как всегда, звучал звонко и весело. Если бы синички умели говорить, у них, наверное, получалось бы так же.

– Полинка, приве-е-т! Давно тебя не было слышно! Всё гуд?

– Привет, Маш! – Я сглотнула. – Есть одна новость...

На том конце провода повисла тишина.

– Маш, я выхожу замуж. И хочу пригласить тебя на свадьбу!

Так странно произносить: «я выхожу замуж». Как будто это не про меня. Хотя, казалось бы, что тут особенного? Мой возлюбленный Саймон предложил мне стать его женой. Если не знать, что мой парень – морское существо, лишь внешне похожее на человека, совсем обычная история. Но только не для Маши, которая уверена, что выйти замуж в восемнадцать лет – это катастрофа.

– Что? – Машкин голос встревоженно зазвенел, как серебряный колокольчик. – Ты серьезно?! Кто он? Неужели тот спасатель? Где свадьба? Только не говори, что в твоей деревне! – Вопросы сыпались один за другим.

– Ма-а-ш, стоп! – решительно прервала я подругу. – Свадьба в Бетте.

– Ох! – горестно выдохнула она.

– Ну да, здесь такой ЗАГС, что даже пригласить никого нельзя на церемонию. Нас просто распишут в маленькой комнатухе, а сама свадьба будет потом. – Я выдержала паузу, давая Машке переварить услышанное, затем добавила: – И да, он – это тот самый спасатель.

– Ты что, серьезно? – Машка пребывала в полнейшем шоке. – Ты выходишь замуж за бе-ттин-ского спа-сате-ля? – Она по слогам произнесла последние слова, будто объясняясь с умалишенной.

– Маш, я уверена, когда ты с ним познакомишься, ты меня поймешь.

– Полин, это ты пойми: влюбленность проходит. Остается быт. Унылый! Провинциальный! Быт! Неужели ты хочешь остаться на всю жизнь в этом ужасном месте?

– Мы будем жить в Сочи, я собираюсь там учиться, а вообще-то мы...

– Какая разница! – закричала она. – Бетта! Сочи! Провинция! Вместо Москвы и блестящих перспектив – стирать мужу носки в про-вин-ции! В восемнадцать лет!

– Маш, скажи лучше, ты приедешь? – взмолилась я.

– Да. Я смирилась и жду от тебя конкретной даты. Кстати, развеюсь немного... – произнесла она уже на тон ниже. – Мы с Виталиком расстались. Не хочу тебя сейчас грузить, просто сообщаю. Ладно, на поздравления я пока не способна, нужно переварить твою новость. Но на свадьбе буду, до связи! – Машка отключилась.

Я бросила телефон на кровать и подошла к открытому окну. Запах высушенной солнцем травы был уже пряный, осенний. Как незаметно подкрался сентябрь! Вообще, в последнее

время события в моей жизни проносятся с такой скоростью, что я не успеваю следить за сменой сезонов... Вот и сейчас мне нужно спешить: сегодня выписывают из больницы бабушку, мама просила, чтобы мы с Саймоном приехали за ней.

Мама осталась в Бетте из-за неожиданной болезни бабули. В больнице, где она работала, ее уговорили поработать еще хотя бы на месяц, так как пока не смогли никого найти на ее место. Вот так и получилось, что у нее в жизни пока ничего не изменилось: в Москву к отцу она вернется уже после нашей свадьбы.

Я уже надела шорты и майку, когда зазвонил мобильный.

– Полиночка... – Голос мамы звучал глухо и невнятно, как будто она звонила издалека.

– Мам, тебя плохо слышно!

Ну вот что за привычка: мама всегда звонит из каких-то закрытых помещений, откуда ее голос звучит как с другого конца света!

В трубке слышались какие-то стуки, шорохи, вздохи. Я уже хотела было сказать ей, чтобы она вышла на улицу и перезвонила, как вдруг услышала:

– Бабушка умерла... Сегодня после капельницы оторвался тромб. Ее не смогли спасти...

В первые секунды я ничего не ощутила: услышанное не воспринималась как реальность. Я же только вчера была у бабушки и разговаривала с ней. И все было хорошо, а сейчас... ее уже нет?

– Мам, не плачь. Мы сейчас приедем, – сказала я, с трудом ворочая одеревенелым языком. – Ты папе сказала?

– Да. Он прилетит сегодня, – все так же издалека отозвалась мама.

Сама не знаю зачем, я выбежала на кухню. Но там стало еще хуже: всегда, сколько себя помню, здесь уютно суежилась бабушка. Это была ее вотчина, ее загадочное царство: в буфете хранились ее бумаги – письма от дедушки, перемешанные с рецептами блюд, за плитой она колдовала с таинственным лицом над разными вкусами, за столом она председательствовала на наших семейных советах. Я представила бабулю – в ее всегдашнем голубом фартуке с вышитыми бабочками, пахнущую выпечкой и духами «Красная Москва», – опустила на пол и заревела. В таком состоянии меня застал Саймон. Мама уже сказала ему про бабулю, поэтому он не задавал вопросов. Любимый молча поднял меня на руки и стал носить по кухне как ребенка. Глядя снизу на его удивительное лицо, словно выточенное из мрамора, не подвластное времени и смерти, я впервые задумалась: человеческие чувства, которые он так мечтал обрести, делают нас беззащитными и уязвимыми. Неужели он этого действительно хочет?

...День похорон выдался на редкость солнечным и безветренным – именно про такие сентябрьские дни бабушка говорила: «Сегодня будто в рай при жизни попала». Маленькое кладбище Бетты походило на уютный цветник. Повсюду летали бабочки, в разросшихся у ограды кустах звонко пели птицы. Щурясь под солнечными лучами, я ощущала то сонное безразличие, то такое острое горе, что, казалось, еще минута и сердце не выдержит. Единственное, что заставляло держать себя в руках – беспокойство о маме. Ее заплаканное лицо хранило какое-то удивленное выражение, словно она хотела спросить: «А что мы тут делаем?» Временами мне делалось так страшно за нее, что я даже забывала о бабушке.

Отец и его бывший коллега – начальник полиции Бетты Алексей Алексеевич – уже держали крышку гроба. Мы с мамой, не отрываясь, смотрели на бабушку. Ее важное, спокойное лицо казалось живым. Неожиданно целая стая бабочек опустилась на ее синее платье – бабушка называла его «официальным», в нем она ходила по инстанциям, если возникала необходимость ругаться с начальниками. Теперь из-за бабочек это простенькое платье казалось праздничным. Острая боль отпустила мое сердце, стало радостно. Но через минуту я уже устыдилась своих чувств. Чтобы не видеть, как закрывают гроб, я отвернулась.

На следующее утро у родителей были билеты на поезд. Свадьбу мы решили отложить до весны. Мне предстояло провести в бабушкином доме последнюю ночь: завтра я должна была переехать в дом, который купил для нас Саймон.

Конечно, пытаться уснуть было бесполезно. Но родители хором погнали меня спать, и я не стала спорить. Я ворочалась с боку на бок, пытаюсь привыкнуть к мысли о том, что никогда больше не увижу бабушку, когда зашел отец.

– Доча, я на минутку, – сказал он чуть смущенно. – Можно присяду? – и он уселся на краешек кровати.

В полутьме я не видела выражения его лица, но руки были скрещены на груди.

– У тебя завтра начинается новая жизнь. Ты теперь самостоятельный человек и переезжаешь в этот огромный дом, который купил Саймон... – Он замаялся, наверное, ему так и хотелось добавить: «купил неизвестно на какие доходы».

– Пап, не тяни уже, говори как есть! – попросила я.

– Хорошо. Перехожу к сути. Это о твоём женихе. – Отец говорил будничным голосом, как будто у себя в полиции на планерке. – Я мало его знаю как человека. Знаю лишь, что у него есть определенные проблемы, о которых вы мне говорили. Ты мне больше не хочешь ничего рассказать?

– Ты имеешь в виду, не хочу ли я добавить что-то к своим показаниям?

– Ну почему сразу показаниям? – буркнул отец.

– Ты со мной говоришь как на допросе! Как будто ты у себя в кабинете, пап!

Несколько секунд он молчал, потом освободил руки и погладил меня по волосам. Мне стало стыдно за свой тон.

– Пап, мы тебе уже рассказали, что генетики Грасини проделали над Саймоном эксперимент. И теперь он не может прожить без воды больше нескольких часов. А еще он может очень долго находиться под водой. Это тоже результат эксперимента. Вот. Теперь я тебе все рассказала.

– Так, – только и сказал отец. Его рука замерла на моей голове.

– Он может доставать с морского дна жемчуг... И всякие ценные вещи с затопленных кораблей...

– Так, – повторил отец.

– Это все, пап. Тебя же, наверное, волновало, откуда у него деньги? Я тебе объяснила.

Отец выпрямился и снова скрестил руки на груди. Несколько секунд длилась томительная пауза. Потом папа тихо сказал:

– Я тебе верю, доча. Не могу не верить. И все же меня беспокоит, как вы будете жить. Если твой парень не будет работать, это будет какая-то ненормальная жизнь. У каждого человека должно быть дело...

– Да, пап, и мы так считаем. У каждого человека должно быть дело. Так и будет, – решительно произнесла я, хотя на душе скребли кошки.

– Хорошо, что ты так думаешь. Я ведь тебе счастья желаю, доча... – Он снова погладил меня по голове. – И попытайся уснуть, это был трудный день...

Прощаясь с родителями на вокзале, я с трудом удерживалась от слез. Мама все с тем же удивленным выражением лица молча погладила меня по волосам, как раньше это делала бабушка. Отец, посадив ее в вагон, вернулся к нам. Он сухо попрощался с Саймоном, а потом крепко обнял меня.

– Я надеюсь, ты вчера искренне со мной говорила, Полина! – бросил он мне уже из тамбура. Поезд тронулся, через несколько минут мы стояли на платформе в полном одиночестве.

– О чем говорил твой папа? – поинтересовался Саймон уже в машине, когда мы ехали в сторону Сочи – наш новый дом находился в его окрестностях.

– Он считает, что ты должен устроиться на работу.

К моему удивлению, Саймон согласился:

– Дмитрий Павлович прав. Мне стоит подумать об этом.

Глава 2

Любимый не зря провел несколько недель в поисках: наше жилище стояло особняком почти у самого моря. В соседнем доме в полусотне метров от нас поселилась Александра – единственная из морских, ставшая мне другом.

Большой тенистый сад, стены, увитые плющом, – дом буквально утопал в зелени, защищающей нас от солнца, ветра и редких пока еще дождей. Внутри весь первый этаж был заставлен оргтехникой: Саймон предусмотрел все для моей учебы в сочинском психологическом колледже.

Но со дня поступления я еще ни разу не посетила занятия. Сначала готовилась к свадьбе, потом умерла бабушка, а позже, когда мы переехали в новый дом, я просто не могла оторваться от любимого. Каждый вечер обещала ему, что завтра обязательно пойду учиться, и каждое утро изменяла своему обещанию, перенося исполнение на следующий день.

Спустя две недели я все еще так и не выбралась на занятия. Стоял конец сентября, самое лучшее время на юге, когда полуденное солнце уже не заставляет истомленных путников прятаться в тень, а вечерами прохладный воздух напитан свежестью и запахом моря.

Я, Саймон и Александра сидели у бассейна на крыше нашего дома. Я расслабленно нежилась под теплыми лучами, представляя, что на лице у меня теплые и ласковые руки мамы. Тело так и расплывалось на шезлонге, невозможно было ни думать, ни шевелиться. Единственное, на что меня хватало – чуть поглаживать прохладные пальцы Саймона, который нежно держал меня за руку.

Плюх! До меня долетели мелкие брызги – это Александра прыгнула в бассейн. Плюх! Плюх! – прошлепала она босыми ногами к своему шезлонгу. Несколько минут мы провели в блаженном молчании, потом я услышала ее возмутительно бодрый голос:

– Нет, вы только послушайте! Они тут заявляют, что только влюбленный имеет право на звание человека! Как вам это понравится?

– Угу... – промычала я в сонной истоме.

Уже третью неделю подряд Александра терзала нас непрерывными разговорами о любви. Глядя на нас с Саймоном, она решила, что непременно тоже хочет влюбиться. Ее не смущало, что морские не могут испытывать человеческие чувства. Александра подошла к вопросу по-научному: составляла списки претендентов, изучала литературу о любви и отношениях, даже зачем-то выучила наизусть «Мцыри». Но практическая сторона вопроса пока не сдвинулась с мертвой точки.

На лицо мне упало несколько прохладных капель.

– Только не брызгайся! – простонала я.

– Если ты сию минуту не проснешься, я зайду в твой сон и наведу там шороху! – пригрозила Александра.

– Я не сплю...

– Тогда послушай, что они тут на форуме пишут! «Если ты чувствуешь, что влюбляешься в человека, беги от него как можно быстрее!» Почему это я должна бежать? – Она возмущенно фыркнула, а затем после небольшой паузы вдруг с подвыванием продекламировала: – «Я его целовала в гу-у-бы. Я до кро-о-ви в него впивалась. И смеялась. Да будь что бу-у-дет! Я сто лет уже так не влюблялась!» Ну и как мне это понять? – негодовала она. – Сплошные противоречия!

– Где ты выкапываешь эти глупости? Это форум сумасшедшего дома? – поинтересовалась я. И услышала бархатный голос Саймона:

– Это не глупости. Просто люди пишут свои мысли и каждый по-своему прав. В любви наступает такой момент, когда думаешь: «Ну зачем мне все это?! Лучше бы я бежал от нее, как

только почувствовал притяжение!» И в то же время понимаешь, что готов платить за это счастье любой болью, даже своей жизнью. И как-то эти противоположные мысли уживаются в тебе одновременно... – Любимый замолчал, задумчиво следя сине-серыми глазами за бегущими над нами маленькими рваными облачками. Александра, сдвинув русые брови, водила пальцем по экрану планшета. Глядя на Саймона, я ощутила такой прилив нежности, что запершило в горле. Я глубоко вздохнула, и Александра метнула на меня быстрый взгляд:

– Я тоже хочу так вздохнуть!

– Но это же не делается как в сказке: «По щучьему велению, по моему хотению!» – возразила я.

– Это мы еще посмотрим! – отрезала морская.

Тут мы услышали мелодичный звон колокольчика. Из-за забора знакомый хриплый голос прокричал:

– Эге-гей! Хозяева!

Саймон потянулся к пульту, чтобы открыть ворота. Губы Александры чуть скривились, похоже, Надя ей не слишком нравилась.

Мы с подругой вместе поступили в сочинский психологический колледж – но Наде, которая недобрала баллов, обучение оплатил Саймон. Он же снял ей просторную двухкомнатную квартиру в центре Сочи. Несмотря на все уговоры, Надя приняла от него помощь только при условии, что «когда-нибудь обязательно вернет долг». Но «когда-нибудь» находилось пока в очень далекой перспективе, и ершистая, задиристая Надька чувствовала себя неуютно. От этого она ершилась еще больше.

Подруга явилась перед нами в образе восточной красавицы. На ней были разноцветные шаровары и топ с блестками. Каждое ее движение сопровождалось звоном многочисленных браслетов и пряной волной духов.

– Не пора вам заканчивать медовый месяц, голубки? – спросила она, опускаясь на шезлонг и закуривая сигарету – Полина уже три недели занятий пропустила. А мы, между прочим, кое-что интересное проходили. Я, например, теперь знаю, как определить, врет человек или нет. Вот так-то, детки, – важно резюмировала она, явно копируя кого-то из своих преподавателей.

– А лекции принесла? – деловито спросил Саймон. – Давай я отксерю, Полина будет читать.

Надя вынула изрядно потрепанный блок из сумки.

– Вот. Тут по всем предметам.

Я невольно фыркнула: узнаю подругу. Надя не была бы собой, если бы завела аккуратные тетрадки на каждый предмет.

Саймон спустился вниз, чтобы скопировать лекции, мы остались вдвоем. В воздухе повисла неловкая пауза. Надя покосилась на Александру:

– Все на солнце жаришься? Какой смысл, если все равно не загорает?

Саймон говорил мне, что морские никак не реагируют на солнце, все их физиологические процессы стимулирует только море. Но какая же Надька все-таки наблюдательная!

– Просто люблю посидеть на солнце, привычка такая... – небрежно бросила Александра.

– Ага. Аристократические привычки, – съязвила Надя, хотя и сама обожала загорать. Я тихонько вздохнула: трудно представить себе большие противоположности, чем Надя и Александра. Морская в простом, но изысканном дизайнерском купальнике, ни одного грамма косметики на идеально правильном лице богини, и Надя с ее широким носом-картошкой, ярко подведенными карими глазами и дешевыми побрякушками – ну разве они смогут когда-нибудь найти общий язык?

– Надь, ты там в колледже подружилась уже с кем-нибудь? – спросила я с наигранным интересом.

– Ой, ну с кем там? Клушки-лохушки одни, даже поболтать не с кем...

– Пора бы уже Полине познакомиться с этими клушками-лохушками! – весело сказал Саймон, появляясь на террасе. – Как насчет завтра? Я бы мог отвезти тебя... – обратился он ко мне.

– Не-е-ет! Только не завтра! – завопила я. Мне не хотелось расставаться с любимым даже на несколько часов. Пусть как можно дольше длится эта блаженная истома, не кончаются солнечные безмятежные дни. Мне было так хорошо сейчас, так спокойно. Все тревоги и вопросы отступали, растворялись в ласковых объятьях Саймона. Находясь рядом с ним, было очень легко отгонять от себя мысли о том, что будет, когда он станет человеком. Ведь голоса из бездны сказали, что он сможет измениться, когда у нас появится ребенок. Но вдруг тогда он разочаруется во мне? Ведь сейчас его привлекают мои эмоции, которые пробуждают отклик в его душе. А что будет, когда проснутся его собственные эмоции? Когда все человеческие чувства станут ему доступны в полной мере?

Я резко приподнялась на шезлонге, отгоняя плохие мысли.

– Сегодня четверг, может быть, я поеду на занятия в понедельник...

Надя вся так и просияла. При этом она кинула победный взгляд на Александру, как будто именно та удерживала меня от посещения колледжа. Мы еще посидели часа полтора на мягком сентябрьском солнышке, поедая свежие фрукты и периодически окунаясь в бассейн. Но беседа не клеилась: Наде были непонятны наши шутки, а по некоторым обмолвкам Александры она поняла, что мы втроем пережили какие-то невероятные приключения, о которых она понятия не имела. Подруга опустила плечи, а взгляд ее густо подведенных глаз стал затравленным. Кажется, Саймон заметил это. Он предложил Александре спуститься вниз, и они оставили нас вдвоем. Надя закурила, глядя в сторону. Я вся сжалась, ожидая града упреков.

– Полин, ты точно придешь в понедельник? – вдруг смущенно спросила подруга.

Я кивнула как можно убедительнее.

– Приходи, там знаешь как интересно! Мы берем шефство над детским домом, в следующую субботу пойдем к ним с подарками. А на втором курсе будем тестировать старших детдомовцев, как настоящие психологи! – Она мечтательно выпустила вверх ровное кольцо дыма.

– Ну, до настоящих психологов нам еще далеко. Какой там от нас толк? – удивилась я.

– Как какой? А наш огромный жизненный опыт? Ты, например, научишь их, как в восемнадцать лет выскочить замуж за красавчика-спасателя! – рассмеялась Надья, и я тоже вслед за ней. Атмосфера немного разрядилась. А когда подруга собралась уходить и Саймон предложил довести ее до дома, она и вовсе расцвела.

Они уехали, а мы с Александрой отправились на «наш» пляж – на этом кусочке берега, огороженном скалами, кроме нас троих никто не бывал. Уже вечерело. Море начинало светиться нежным молочным светом, который бывает только в сентябре. Мы уселись на огромный валун, как на трон. Небольшие волны набегали и останавливались в сантиметре от наших сандалий. Хотелось закрыть глаза и замереть, слушая шум волн и крики чаек. Но спокойствие продлилось всего несколько минут: Александра схватила меня за руку и требовательно спросила:

– Полин, ну как?

Она задавала мне этот вопрос в последнее время уже раз двадцать – ей не терпелось узнать, когда Саймон станет человеком. Похоже, морской казалось, что забеременеть и родить ребенка – сущий пустяк. И я просто из вредности ничего не предпринимаю.

– Никак, – сообщила я. – Тут тоже не получается по щучьему велению...

– Я так и знала. Вы все делаете не по правилам!

Я даже закашлялась от неожиданности. И почувствовала, как кровь прилила к щекам: я не была готова обсуждать эту тему с кем-либо. Многие девушки легко и просто рассказывают

подругам о том, как «ночью все было прекрасно», но я скорее предпочла бы умереть, чем говорить об этом.

– Вообще-то у нас в седьмом классе были уроки полового воспитания, – нехотя сообщила я.

– Н-да? И вас там учили, как забеременеть от морского? – с ехидством произнесла Александра.

Я повернулась к ней, чувствуя, что щеки уже не просто горят, они пылают, как мамины красные абажуры. Зато Александра вся так и сияла. Несомненно, это был момент ее торжества. Порой мне казалось, что не все человеческие чувства ей недоступны. Добыв неведомыми путями важную информацию, морская радовалась как ребенок.

– Я зашла в сон к Стиву Грасини и вытянула из него весьма ценные сведения. Удивительно, но он не сопротивлялся и сам мне все рассказал. И если бы ты знала, Полина, какие странные у него сны! Никогда бы не подумала, что он такой несчастный... – Тут я сделала нетерпеливый жест. – Ну хорошо-хорошо, расскажу потом, при случае. А сейчас о вас с Саймоном. Чтобы завести ребенка, вы должны сделать *это* в воде. Сильно не обнадеживайся – это только его предположение. Стив думает, что, поскольку морская вода стимулирует у нас физиологические процессы, зачатие возможно только таким способом...

Сообщив это, она уставилась на меня в ожидании аплодисментов. Но я была слишком растеряна.

– У нас уже было... *это*... в воде.

– В морской воде, – тоном учительницы уточнила она.

Я вспомнила полузатопленную пещеру в морских скалах, где пережила самые незабываемые минуты своей жизни. Тогда после долгих и мучительных дней равнодушия Саймон показал мне свои истинные чувства... Насмешливый голос вырвал меня из воспоминаний.

– Судя по твоей счастливой физиономии, у вас уже и это было... Интересно, в чем же тогда проблема? – задумчиво произнесла она.

После небольшой паузы Александра спросила:

– Давно это было?

– Еще в июле. Но я не беременна, это точно. И вообще – хватит об этом говорить.

– Хорошо. Только сделаешь тест, и я отстану, – кротко согласилась морская.

– Раз тебе так хочется – сделаю. Все равно ничего нет. Но ты хотя бы отстанешь!

– Отстану-у-у! – пропела Александра, мгновенно приходя в отличное настроение.

Саймон появился, когда почти стемнело. По побледневшему лицу любимого было видно, что он нуждается в морской воде. Мы вошли в море, которое у берега еще было теплым, Саймон взял меня на руки и поплыл к горизонту. Наши тела окутывало нежное свечение, исходящее от морских бактерий. Мы двигались очень быстро, с каждой минутой все быстрее. Лицо Саймона в такие минуты казалось особенно непроницаемым. Находясь рядом с ним в море, я всегда очень остро чувствовала наше различие. Я была гостьей в этом мире, он – своим. То, что меня пугало – промелькнувший вдали плавник, неожиданные всплески волн, огромная толща воды под нами, – вызывало у него лишь улыбку.

Вдали от берега вода была очень холодной, я с трудом сдерживала дрожь. Когда Саймон остановился, пляж уже не был виден. Он нежно прильнул к моим губам, но тут же отпрянул и рывкнул:

– Опять?

Я обожала купаться вместе с ним и никогда не признавалась, что мне холодно. Прикоснувшись к моим губам, он, конечно, понял, что я замерзла.

Через минуту я уже сидела на берегу, и любимый растирал меня махровым полотенцем.

– Последний раз я беру тебя с собой так далеко от берега, – недовольно пробурчал он, стискивая меня в объятиях...

Ночью я проснулась от того, что Саймон вышел в ванную. Я услышала, как плещется вода. Саймон не хотел спать в джакузи, и каждую ночь ему приходилось вставать: он не мог прожить без воды больше нескольких часов. Минут через пять он вернулся и лег рядом со мной – прохладный, пахнувший свежестью. Я приоткрыла глаза и погладила его по плечу.

– Я опять разбудил тебя? – прошептал любимый. – Как же хочется поскорее стать человеком, чтобы это прекратилось!

Глава 3

На следующее утро я проснулась от шума. Кажется, жужжал блендер. Накинув легкий халатик, я вышла на кухню, где хозяйничал Саймон. На столе уже стояла хрустальная ваза с салатом из фруктов, любимый деловито готовил фреш из апельсинов. С блендером в руках он походил на героя рекламного ролика. Я как зачарованная уставилась на него. Его глаза сейчас были серо-синими, он небрежно отбросил назад влажные волосы, капли воды падали на голый торс. Завороженная этим зрелищем, я и думать забыла о завтраке.

Любимый поставил блендер на стол и двинулся ко мне, чтобы поцеловать.

– Не подходи! – взмолилась я.

Он в удивлении остановился.

– Почему? Я тебе неприятен?

– Ох, нет. Ты слишком мне приятен... – покраснела я. – Если ты сделаешь еще шаг, я кинусь тебе на шею и тогда...

Одним прыжком он оказался рядом и зажал рот поцелуем. Я закрыла глаза. Поцелуй длился бесконечно, лишь опуская меня на кровать в спальне, Саймон на секунду оторвался от моих губ, чтобы прошептать: «Кажется, у меня кровь кипит...» Я не могла говорить и только иступленно гладила его шелковистую кожу...

Когда все закончилось, Саймон чуть отодвинул меня от себя и долго смотрел в глаза.

– Интересно, что ты хочешь увидеть в моих глазах? – смутилась я.

– Хочу понять, это на тебя так же действует, как на меня? Или нет?

– Что – это?

– То, что сейчас было. – Он смотрел на меня без тени смущения, словно вопрос был отвлеченный, сугубо научный.

– А как это на тебя действует?

– Я как будто теряю себя... Это очень странно, в книгах я не читал об этом... – задумчиво проговорил любимый.

– Да. Я чувствую то же самое, – тихо сказала я. В отличие от него, я не могла говорить о чувствах без смущения.

– Наверное, так и должно быть, – очень серьезно сказал Саймон. – Исчезает «я», появляемся «мы». – Неожиданно на его губах появилась лукавая улыбка. – Эти ваши человеческие чувства не так уж глупы, как кажутся на первый взгляд!

Когда мы наконец приступили к завтраку, раздался яростный звон колокольчика. Звонили как на пожар. Саймон взял пульт, и ворота пришли в движение. Едва только в них образовался проем сантиметров в двадцать, в шелку протиснулась Александра. Она понеслась по саду, размахивая над собой ярким платком, как знаменем. Когда морская вихрем ворвалась в дом, я увидела, что в руках у нее не платок, а какой-то плакат. На завтра в Сочи был назначен пикет против строительства дороги, и на секунду я подумала, что Александра вступила в ряды митингующих. Вчера она рассказывала мне, как сто лет назад в Турции вступила в ряды движения за права женщин и участвовала в массовых беспорядках. Но я ошибалась.

– Наконец-то! Я! Влюбилась! – закричала она вместо приветствия.

Саймон лукаво улыбнулся кончиками прекрасных губ и придвинул ей плетеный стул. Морская сегодня заплела роскошные русые волосы в косу, которая очень ей шла. Она торопливо заложила за уши выбившиеся из прически пряди и развернула на столе огромный плакат. На нем был изображен певец Николай Пинежский. Надпись внизу гласила: «Скоро в Сочи! Не пропустите! Только один концерт! Николай Пинежский выступит в доме культуры Сочи со своим уникальным шоу «История любви». Билеты в кассах города».

Не знаю, была ли фотография обработана в фотошопе, но выглядел Пинежский таким Эросом в джинсах.

– Это твой избранник? – полюбопытствовал Саймон.

– Да. Правда, он ангел? – Александра уставилась на нас, ожидая подтверждения.

– Ну да, он, конечно, классный. И поет здорово, – промямлила я.

– Он не классный. Он – бог, – отрезала Александра. – Коля приезжает через месяц и пробудет у нас всего один день. Так что у меня очень мало времени на операцию по завоеванию его сердца.

– А ты уже побывала в его сне и убедилась, что он никого не любит? – поинтересовалась я.

– Я? Нет, – почему-то смутилась Александра. – Я могу зайти в сон только к тому, кого знаю. Но когда мы познакомимся, я зайду к нему в сон и расставлю там все по своим местам! – В ее голосе прозвучал вызов.

– Ого! Так у тебя и план действий уже готов?

– Да. Этот парень станет моим. – По лицу морской пробежала хищная кошачья улыбка.

– Мне жаль тебя расстраивать, но, похоже, все, что ты прочитала на форумах о любви, не пошло тебе впрок, – вмешался Саймон. Я посмотрела на него удивленно: лично мне план Александры нравился.

– И что не так? – сердито дернула головой морская. Ее русая коса переметнулась с одного плеча на другое.

– Всё не так. Ты не сможешь начать отношения с обмана. Это не знакомство для контакта, чтобы утопить человека и завладеть его душой.

– Не понимаю, в чем разница? – упрямилась Александра. – Совсем немного ухищрений с моей стороны, чтобы завоевать лучшего парня в мире! Земные девушки и не такое делают! По-твоему, если девица накачала губы силиконом, выкрасила волосы и нарастила ресницы, она не обманывает парня насчет своей внешности?

Саймон рассмеялся.

– Красить волосы и внушать человеку что-то во сне – это совсем разные вещи! – не выдержала я.

– Плевать! – рявкнула Александра, раздраженная нашими возражениями и смехом. – Я умираю от любви!

Тут мы с Саймоном захохотали оба.

– Но на концерт вы со мной пойдете, – неожиданно мирно заключила морская. – В качестве, так сказать, группы поддержки.

– Конечно, пойдём. Несмотря на твоё коварство, мы на твоей стороне... – подтвердила я. Мне очень хотелось сходить на концерт, тем более что шоу предстояло двойное: одно – Николая Пинежского и второе – Александры. Кто бы отказался от такого?

– Вы не будете скучать тут без меня? – вдруг обратился к нам Саймон. – Я хочу съездить в город.

Мы с морской поднялись наверх, к бассейну, а Саймон пошел выгонять из гаража новенький серебристый «Порше», который подарила нам Александра.

Морская захватила с собой афишу Николая Пинежского, но прикрепить ее у бассейна оказалось негде. Она бережно свернула плакат в трубочку и принялась рассказывать:

– Полин, это, наверное, любовь с первого взгляда! Утром включаю MTV и вижу это удивительное лицо... – Она покосилась на меня, словно проверяя реакцию. – Потом выхожу из дома и – бац! – удар в сердце – вижу его афишу! И понимаю – это судьба!

– Про удар в сердце ты сейчас соврала? – не выдержала я. Мне казалось, что она говорит чужими словами, вычитанными на женских форумах.

– Ну не соврала, а преувеличила, ты же знаешь, мы никогда не ощущаем сердцебиения... – призналась она, впрочем, не слишком виновато. – Но парень же правда классный?

– Очень!

– Вот видишь! – оживилась она. – Если честно, я уже и билеты купила нам всем троим... – Александра деловито полезла в элегантную серую сумочку. Но вытащила оттуда, к моему удивлению, не билеты.

– Ах да! Совсем забыла! Ты мне вчера обещала... – Она протянула мне маленькую коробочку с надписью «Frautest». Я так и заерзала на шезлонге: уж пусть лучше рассказывает о своей неземной влюбленности, чем мучить меня этим. Но Александра была неумолима.

– Не надо так вращать глазами. Всего одна минута, я подожду тебя здесь.

Я рывком поднялась с шезлонга и молча пошла вниз. Ладно. Сейчас я принесу ей тест с одной полоской, и, может быть, на сегодня она оставит меня в покое.

Спустя несколько минут я вышла из ванной ошеломленная, с трясущимися руками. Медленно и неуверенно переставляя ноги, поднялась по лестнице. Александра сидела ко мне спиной. Она уже успела вновь развернуть афишу и любовалась своим избранником. Заслышав мои шаги, она обернулась.

– Что? – тихо спросила она, пристально разглядывая мое лицо. Я положила перед ней бумажку с двумя полосками.

– Ура! – завопила морская, вскакивая с шезлонга и сжимая меня в объятиях.

– Не души меня... – прохрипела я, и она тут же отскочила, с опаской глядя на меня, словно из-за беременности я стала хрустальной вазой.

– Ты не рада?

– Рада. Только... Только я не знаю, что теперь будет...

– Все будет отлично! У вас будет малыш! А Саймон станет человеком!

Но я, хоть убей, не могла разделить ее восторга. Я вдруг осознала, что даже не успела захотеть ребенка, и вот уже беременна.

Подойдя к бассейну, я ополоснула разгоряченное лицо и присела на бортике. «Саймон станет человеком. Саймон станет человеком...» – крутилось в голове. Эта мысль не вызывала ни малейшей радости, только тревогу. Прохладная рука Александры легла на мое плечо.

– Полин, ну не надо так волноваться, – уговаривала она. Немного помолчав, морская тихо добавила: – В конце концов, если ты пока не готова, можно это все отложить...

Не веря своим ушам, я повернулась к ней. Неужели она предлагает мне избавиться от ребенка?

– Полин, я не зря провела пару часов во сне у Стива, выясняя детали. Твоя беременность – не совсем обычная, тут многое зависит от тебя.

– Как это? – прошептала я.

– Тест показал, что ты ждешь ребенка, но еще вчера ты была уверена, что это не так. Как ты думаешь, почему?

– Неужели ты считаешь, что я сейчас в состоянии думать? – возмутилась я.

– Хорошо. Тогда разжевываю для бестолковых. Твоя беременность не развивается. – Александра разрывалась между желанием подать информацию эффектно, с театральными паузами и риторическими вопросами и сочувствием ко мне. Она снова взяла меня за плечо и сказала очень серьезно: – Плод будет развиваться только в морской воде. Если ты не будешь часами находиться в море, все останется как есть. Пока ты сама не решишь, что готова...

– Я боюсь. Очень. Но отсрочка все равно ничего не изменит. Мне нужно только это? Только морская вода?

– Морская вода и время. Тебе придется проводить в ней целые дни.

До возвращения Саймона мы молча сидели у бассейна. Александра кашляла, крутилась, елозила на своем шезлонге, видимо, сгорая от желания обсудить предстоящие события, но я была не в состоянии говорить. Глядя на пробегающие по небу мелкие облачка, я словно прощалась с чем-то. Наверное, с детством...

Закрыв глаза, я представила свою коллекцию заводных игрушек, оставшуюся в московской квартире. Пыталась вообразить, как мой малыш играет с ними, но у меня не получалось. Вдруг что-то влажное упало на мои колени. Я вздрогнула и открыла глаза: надо мной в ярких лучах полуденного солнца стоял Саймон. В руках у него были красные розы, цветы лежали у меня на коленях, у моих ног, дорожка из роз вела к бассейну, покрасневшему от сотен алых лепестков.

– Ух ты! – выдохнула я, разом забывая о тревогах.

Любимый взял меня за руку и повел к воде. Не отпуская друг друга, прямо в одежде мы нырнули в самую гущу лепестков. Потом, держась на спине, лежали немного рядом на воде. Александра наблюдала за нами с бортика, явно сторая от желания выложить Саймону новости.

– Я, наверное, пойду... – нехотя процедила она, наскучив ждать.

– Встретимся вечером на море? – спросил Саймон.

При слове «море» я вздрогнула.

– Посмотрим... – уклончиво ответила морская и ушла вниз.

Саймон притянул меня к себе:

– Полина, что случилось?

– Случилось! У меня будет ребенок! – выпалила я как можно быстрее.

Не выпуская меня, любимый подплыл к бортику. Лицо его казалось непроницаемым, около губ залегла жесткая складка.

– Александра уже что-то узнала от Грасини? – спросил он.

– Да. Она была у Стива во сне и...

– Это не опасно? – перебил он.

– Нет... наверное... Все будет нормально! – поспешила добавить я. – Просто чтобы ребенок развивался, я должна много времени проводить в морской воде. Тогда все будет хорошо!

Он крепко прижал меня к себе.

– Это все, что она тебе сказала? Нет никакой опасности?

– Никакой, – сказала я, сама не очень уверенная в своих словах.

Саймон снял с моей щеки алый лепесток и, глядя на него, тихо сказал:

– Мне стыдно за то, что я счастлив, но это так.

– Почему тебе стыдно?

– Я подвергаю твою жизнь опасности. Моя радость – это радость эгоиста. Я сам не понимаю, как могу так сильно хотеть этого ребенка...

Именно в этот момент я поняла, что тоже этого хочу.

Глава 4

Первая неделя моей беременности прошла очень весело. Я хорошо себя чувствовала, и мы проводили дни у моря, купаясь, дурачась, наслаждаясь пронзительно ясными осенними днями. Стояло начало октября. Наш уголок до краев наполнился золотистым мягким светом, воздух стал удивительно прозрачен и чист. Когда по утрам я выходила в сад и вдыхала тонкий аромат подсыхающей листвы, мне казалось, что я пью дорогое вино.

Несколько дней подряд Александра являлась на пляж с сантиметром в руках, чтобы замерить мой живот. Она приступала к процедуре с необычайной важностью, как будто от объема моей талии зависело благополучие планеты. Но уже к концу недели стало ясно, что сантиметр не нужен: живот вырос так, что его уже нельзя было не заметить. Наблюдательная Надька, прищурив густо накрашенный глаз, вынесла вердикт: «Мать, да ты на четвертом месяце! Как же это я проглядела?» Слова подруги совпали с заключением врача, к которому возил меня Саймон. Лучший в Сочи специалист после тщательного обследования назвал срок: четыре месяца.

А еще через неделю все изменилось. Стало ясно, что врачу показываться больше нельзя. Живот вырос, как будто беременность была как минимум пятимесячной – это могло вызвать у доктора подозрение. Правда, чувствовала я себя отлично, поэтому вопрос с медицинским осмотром мы решили пока отложить. Но вот настроение у меня было отвратительным. Уже несколько дней, как Саймон устроился на работу в институт океанологии: он готовился к предстоящей земной жизни. И в первый же день без любимого я затосковала. Море теперь не казалось мне ласкающим, воздух не пьянил, шутки Александры раздражали. Вообще я пришла к выводу, что если в каком-то месте, даже самом прекрасном, проводишь время не по своей воле, то начинаешь ненавидеть его.

И еще одна печаль терзала мое сердце. В последние дни я очень подурнела. Нет, я и раньше не была красавицей, но сейчас просто ненавидела свое лицо и фигуру. Из-за отеков глаза стали маленькими, как у поросенка. Губы раздулись: я напоминала себе дешевую надувную куклу из секс-шопа, которую слишком усердно надували. Каждое утро, поздоровавшись со своим отражением в зеркале, я думала: пусть уж лучше Саймон уйдет на работу, лишь бы он не смотрел на этот кошмар! И в то же время страшно не хотела, чтобы он уходил...

В отсутствии любимого все прежние тревоги навалились на меня разом. Будет ли Саймон любить меня, когда станет человеком? Едва я задавалась этой мыслью, услужливое воображение начинало прокручивать передо мной разные картины. То я представляла, как Саймон сравнивает меня с другими девушками – высокими, стильными, красивыми, то в моем воображении Саймон пренебрежительно ронял: «Я понял, что не готов к серьезным отношениям, я ведь только начинаю жить!...»

Я сидела у самой кромки воды, зарывшись пальцами в мелкую гальку и сосредоточившись на ощущениях: обломки ракушек и мелкие камушки приятно щекотали стопы. После долгого купания с Александрой я чувствовала усталость, на несколько минут тяжелые мысли покинули меня, уступив место сонному оцепенению. Я следила за полетом чаек, сновавших над морем, и не заметила, как очередная неприятная картина возникла в моей голове. Чайки оказались где-то на заднем плане, передо мной стоял Саймон – пугающе красивый, недоступный, – его лицо как всегда было непроницаемым, серо-синие глаза долго вглядывались в меня. На мгновение я увидела себя его взором: обыкновенная девушка, каких на земле миллионы, не отличимая от толпы простушка. Потом невидимая камера крупным планом дала лицо Саймона: было видно, что он не может скрыть разочарования. Не говоря ни слова, он развернулся и двинулся прочь в сторону моря, где его ждала высокая рыжеволосая девушка. Ее длинные волосы развевались на ветру как яркий шелковый шлейф. Вот их стройные силуэты уже слились со скалами и стали почти не видны...

– О-па! Похоже, я ошиблась! У тебя не меньше пяти месяцев – где были мои глаза? – Я вздрогнула от хриплого голоса Надьки. Подруга бесцеремонно рассматривала меня и что-то считала, загибая пальцы. – Полин, да ты родишь еще до вашей свадьбы! – констатировала она. – Можно я буду держать бебика, когда вы будете жениться? Ты же возьмешь его на свадьбу?

– Он тебе платье описает, – буркнула я, отгоняя остатки неприятного видения.

Надька нависла надо мной, загородив солнце.

– Не понимаю, что это за врач такой у тебя? Придумал же такое – целыми днями сидеть в воде! – Она бросила косой взгляд на сидевшую рядом Александру, которой и предназначались последние слова.

– Это новая методика. Врач знает свое дело, – кротко возразила Александра и отвернулась. Надькины ноздри так и раздулись от гнева. Все последние дни подруга предпринимала отчаянные усилия, чтобы разозлить Александру и устроить ей «бой быков», как она выражалась. Но ее наскоки неизменно разбивались о несокрушимое спокойствие Александры. Конечно, подруга не знала, с кем тягается: еще не родился человек, который бы вывел из себя морского.

– Ну на один-то день я могу забрать свою подругу? – вскинулась Надя. – Мы погуляем немного по городу, пока у Полины не отрос русалочий хвост!

Мне вдруг ужасно захотелось покинуть пляж – куда угодно, в душный кинотеатр, в толкучку магазинов, в городской парк с его глупыми аттракционами – лишь бы не сидеть здесь! Я резко выдернула ноги из гальки и схватила свой сарафан.

– Отлично, такси нас ждет! – сообщила Надька, обмерив торжествующим взглядом Александру.

Морская смиренно склонила голову.

– Конечно. Любому человеку надоест сидеть весь день у моря, я понимаю, – только и сказала она.

Надька, разочарованная ее быстрым согласием, с сомнением спросила:

– А ты... не хочешь с нами?

– Нет, я еще побуду у моря. А вы развлекайтесь как следует!

Мы пошли к такси, ожидавшему нас у дороги.

Надька в новом темно-синем спортивном костюме, белых кроссовках и огромных серьгах-кольцах под золото была похожа на звезду гнb. Рядом с ней я чувствовала себя героиней шоу толстушек. Когда у тебя живот, как мячик, любая одежда становится похожей на домашний халат.

– Куда поедет? – спросила я, усаживаясь в машину.

– У меня есть план! – таинственно сообщила Надька. – И он тебе понравится. Сначала пообедаем в кафе. Это самой уютное место в Сочи, сама увидишь. Ну а потом... – она вдруг ущипнула меня за бок, – заедем к твоему ненаглядному на работу. А? Посмотрим, как он там изучает тайны морских глубин?

Мне вдруг стало ужасно весело. Как же все, оказывается, просто! Вместо того чтобы киснуть у моря и изводить себя неприятными мыслями, я могу увидаться с любимым, посмотреть, как он работает в этом своем институте океанологии. Я с благодарностью покосилась на подругу: она уже невозмутимо подкрашивала свои и без того бронзовые щеки, глядя в маленькое зеркальце. Она не сомневалась в моем согласии.

Через полчаса мы были в центре города. То, что Надька назвала «самым уютным местом Сочи», оказалось огромным кафе, расположенном на центральной площади города. Мы сидели на террасе, наблюдая, как толпы отдыхающих мечутся вокруг в бессмысленном броуновском движении. И все-таки мне здесь очень нравилось. Приятно было видеть нарядных, довольных жизнью людей. Даже шум машин, которые двигались здесь плотным потоком, не раздражал. Мне казалось, что я нахожусь в самом центре жизни, я буквально чувствовала, как пульсирует

кровь этого города. Людской поток струился по улицам-артериям, а мы находились где-то у самого сердца. И это было здорово. Пока мы поедали блинчики с шоколадным соусом, Надька тарыхтела без перерыва.

– Эта овца решила, если отец купил ей «бэху», так круче нее уж и нет никого... – вещала она. – Но я ей показала ее место в этой жизни! – Она махнула куда-то вниз, под стол, направлением наманикюренных ногтей обозначая место, куда отправила «овцу».

– Я и не знала, какие страсти кипят среди будущих психологов... – протянула я, впервые позавидовав, что подруга живет такой насыщенной жизнью.

– Придешь – сама увидишь. Беременность не противопоказание для учебы, даже наоборот...

Я только вздохнула, спорить с подругой не хотелось. Из кафе мы вышли в отличном настроении: я и не знала, как соскучилась по таким дружеским посиделкам.

Мы снова сели в такси и поехали в сторону моря: институт океанологии находился на противоположной стороне города, довольно далеко от центра. Было уже четыре, солнце светило удивительно мягко, с деревьев слетали пожелтевшие листья и маленькие семена-вертолетики. Они кружились в воздухе, как золотой дождь, падали на лобовое стекло, ими были покрыты тротуары.

Дорога ушла в сторону от старинного центра с его роскошными клумбами и фонтанами, мы миновали однообразную цепь высотных домов и въехали в пыльный и скучный промышленный район, ограниченный со всех сторон длинными серыми заборами. У одного из заборов мы остановились. Старая, выцветшая от солнца вывеска на воротах гласила: «Институт океанологии РАН. Сочинский филиал». Усатый охранник в голубой форме весь углубился в «Сочинские вести». Я набрала номер Саймона, чтобы любимый встретил нас, но он не отвечал. Охранник отложил газету, покосился на мой живот и вздернул вверх пышный пшеничный ус:

– Вы, девочки, часом не диверсанты?

Надька так и прыснула со смеху.

– Не-а, дяденька, не диверсанты! – голосом маленькой девочки пропищала она. – Мы к вашему сотруднику Семену...

– К красавчику? – спросил дядька, и ус его поднялся еще выше. – Так идите, чего там, красть у нас нечего... Да не туда, в море он! – крикнул охранник, увидев, что мы направились к серому трехэтажному зданию, где сверкал на солнце «Порше» Саймона. Рядом со старым строением с запыленными окнами, которые, похоже, не мыли со дня постройки, автомобиль казался пришельцем из будущего.

Мы послушно направились по дорожке, ведущей к морю. Солнце слепило глаза, и я видела перед собой лишь синюю гладь, из которой торчали какие-то палки. Подойдя ближе, я поняла, что палки – это часть подводного ограждения, которое создавало внутри залива что-то вроде огромного бассейна. У дальнего края отгороженного периметра двигались в воде три точки – две темные и одна красно-коричневая. Точки приближались к нам, и вскоре я разглядела в одной из них голову Саймона. Вторая темная точка вдруг ушла под воду, после чего из нее вынырнула и с брызгами плюхнулась в воду огромная дельфинья туша. Я услышала мелодичный женский смех. То, что показалось мне издали красно-коричневой точкой, оказалось головой рыжеволосой женщины.

Спустя несколько минут две стройные фигуры вышли из воды нам навстречу. Я хотела броситься навстречу Саймону, но насмешливый взгляд незнакомки пригвоздил меня к месту. Девушка рядом с ним была удивительно красива – белокожая, стройная, опутанная, словно водорослями, длинными темно-рыжими волосами. В какую-то секунду утреннее видение – Саймон уходит прочь с рыжеволосой незнакомкой – промелькнуло передо мной. Но любимый уже держал меня в своих прохладных объятиях.

– Полина! Как здорово, что ты приехала! Смотри, Филлип приветствует тебя! – Саймон махнул рукой в сторону моря, откуда совсем рядом с берегом вынырнула дружелюбная дельфинья физиономия.

Я помахала дельфину, и он весело закивал в ответ. Я не могла не рассмеяться.

– Знакомьтесь, это Полина, моя невеста. А это Надя, наш общий друг. – Он кивнул на подругу, которая с недовольным лицом скрестила руки на груди.

– Жанна, – представилась девушка. – Я ассистентка Семена, работаю с ним.

– Интересная у вас работа... – процедила Надька.

– Очень! – воодушевленно подхватила Жанна, словно не заметив иронию. – Семен считает, что дельфины могут видеть будущее, оно для них столь же реально, как настоящее. Вы знаете, было много случаев, когда дельфины оказывались на месте, где тонул корабль, и спасали людей. Так вот, спасенные утверждают, что дельфины ждали их, словно предвидели крушение! Представляете, какая это будет сенсация для научного мира, если нам удастся это доказать?

Неприятное чувство кольнуло меня в сердце.

– Ты никогда не рассказывал мне об этом... – повернулась я к Саймону.

Любимый крепче прижал меня к себе.

– Полина, у нас еще целая жизнь впереди, я боюсь раньше времени раскрыть тебе свои секреты, чтобы не надоест! – рассмеялся он. От его чарующего смеха у меня по спине побежали мурашки.

Жанна тем временем начала одеваться. Натянув темно-синее платье, идеально облежавшее стройную фигуру, она принялась выжимать великолепные длинные волосы. Изогнувшись вперед, так что платье обрисовывало высокую грудь, девушка запрокинула белые руки над головой, приподнимая тяжелые пряди. При этом взгляд ее серых глаз не отрывался от Саймона. Все ее жесты были предназначены ему – в этом не было сомнений.

– Эй! О чем ты задумалась? – шепнул мне на ухо любимый.

– Ни о чем, – буркнула я.

– Жанна, мы закончим завтра, сейчас я хочу отвезти Полину и Надю домой. – Саймон натянул одежду на влажное тело, и мы пошли к машине. Из двери института вышел немолодой сухощавый мужчина в старомодном коричневом костюме, купленном, наверное, еще до моего рождения.

– Как, вы уже уезжаете, Семен? – крикнул он, стремительно сбегая с крыльца.

– Собираюсь отвезти домой свою невесту, Тимофей Матвеевич!

– А-а, так вы Полина! – улыбнулся мужчина, от чего по его худому лицу побежали тонкие морщинки. Он быстро подошел к нам и очень уважительно пожал руку мне, а потом Надьке. Подруга, не привыкшая к такому обращению, даже закашлялась от смущения. Мужчина пригладил седеющий спортивный ежик и торопливо продолжил: – Должен вам сказать, Полина, вашего жениха ждет блестящее будущее! За всю свою жизнь не встречал столь глубоких знаний у столь молодого человека. Надеюсь, уже в ближайшее время мой молодой коллега прославит российскую науку!

Я мельком взглянула на любимого: его лицо было равнодушным, словно похвала адресована кому-то другому.

– Жаль только, что в нем так мало тщеславия, он совершенно не интересуется продвижением своего имени! – сокрушенно добавил Тимофей Матвеевич, когда мы сели в машину – Я очень надеюсь, что появление наследника заставит его пересмотреть свои взгляды. Ведь это так здорово – передать сыну или дочери прославленную фамилию! Убедите его, Полиночка, не быть таким скромным! Ведь вам хочется быть замужем за светилом? Ведь так? – настаивал он.

– Наверное, да... – пробормотала я.

Я была ошеломлена услышанным. Саймон может стать мировым светилом в области океанологии? Как это раньше не приходило мне в голову, ведь он столько знает о море!

Мы довезли Надьку до ее дома в центре Сочи. Прежде чем выйти из машины, подруга прошептала мне на ухо:

– Не понравилось мне, как эта рыжая бестия перед Саймоном волосы распускает!

– О чем вы там шептались? – полюбопытствовал любимый, когда мы остались наедине.

– Нам показалось, что эта девушка, Жанна, к тебе равнодушна... – сдержанно сказала я, глядя в окно. Уже начинало вечереть, Сочи обволокло нежно-серой дымкой, как вуалью, силуэты пальм казались резными узорами на фоне белых стен домов. Неожиданно рука Саймона оказалась на моем плече. Он силой повернул меня к себе:

– Я давно заметил, что людей неудержимо тянет к нам, морским. – Лицо любимого было спокойным, словно он говорил о чем-то отвлеченном. Его волосы еще были влажными после купания, жемчужная кожа светилась.

– И тебе все равно, что такая привлекательная девушка положила на тебя глаз? – осторожно спросила я после неловкой паузы.

– А-а, так называемый успех у противоположного пола... Нет, Полина, мне это безразлично, так же как и карьера, о которой мне твердит Тимофей Матвеевич. Не понимаю, почему люди так к этому стремятся...

Я вздохнула с облегчением. Но уже спустя несколько минут задумалась: а что будет, когда Саймон станет человеком?

Глава 5

В конце октября море стало холодным, я не уже могла подолгу купаться в нем. Саймон стал наполнять морской водой джакузи в нашем доме. В четырех стенах ванной я чувствовала себя как в тюрьме. Любимый каждое утро уходил на работу и возвращался лишь к пяти вечера. До обеда со мной оставалась Александра, позже из колледжа приходила Надя. Считалось, что она развлекает меня, но что это было за «развлечение»! Наскоро пересказав последние новости об учебе, подруга принималась за допрос. Как я себя чувствую? Когда доктор разрешит мне выйти наконец из воды? Когда я сообщу маме? Я слабо отбивалась от нее, чувствуя себя виноватой за постоянную ложь.

Я с детства знала, что время может выделять всякие штуки. Когда сидишь дома одна и не знаешь, чем заняться, стрелки часов почти не двигаются. А если опаздываешь куда-то, они так и несутся вскачь. Сегодня мне некуда было спешить: предстоял очередной томительный день в джакузи. Такой же скучный и монотонный, как и череда предыдущих. Поэтому я решила вовсе не смотреть на часы, чтобы не мучить себя.

Мне казалось, что с момента, как я позавтракала и поцеловала Саймона на прощание, прошла вечность. Ну, часа два точно. Я упорно отводила взгляд от настенных часов, то рассматривая рыбок на кафеле, то принимаясь за «Анну Каренину». Странно, почему до сих пор нет Александры? Я метнула вороватый взгляд на циферблат: пятнадцать минут десятого! Прошло только пятнадцать минут! А мне нужно пролежать сегодня как минимум семь часов – это двадцать восемь раз по пятнадцать минут. В ярости я запустила «Карениной» в стенку.

– Пациент сегодня буен, – констатировала Александра, появляясь из-за двери. В строгом белом платье, с убранными в пучок волосами, она походила на доктора из телесериала, который спасает умирающего пациента, не растрепав прически и не испортив макияжа.

– Пациент весь просолился и превратился в воблу, – простонала я.

– Хорошо, что ты не теряешь чувство юмора. Себастьян! – вдруг позвала она кого-то.

В ванную вошел высокий темноволосый мужчина лет тридцати. Утонченная красота, матовая кожа и отстраненный вид выдавали в нем морского. Мужчина был одет в джинсовый костюм, на плече у него висела холщовая дорожная сумка. Я почувствовала, как вспыхнули щеки: чертовски неудобно принимать гостей, сидя в одном купальнике в джакузи.

– Полина, это Себастьян, мой старый друг. – Александра проигнорировала мой испепеляющий взгляд. – Себастьян врач, он должен посмотреть тебя.

Я продолжала гневно буравить ее глазами.

– Не стесняйся, можешь высказать мне все прямо сейчас, он не понимает по-русски... – сладко улыбнулась морская.

– Ты могла бы меня предупредить! – буркнула я.

– Не могла. Себастьян приехал без приглашения. Я советовалась с ним по поводу твоего положения. А теперь он сам явился сюда: Себастьян считает, что времени у нас гораздо меньше, чем мы думаем. Он хочет тебя осмотреть. Кстати, он один из лучших врачей на этой планете. По крайней мере, самый опытный, уж это точно. – Александра слегка усмехнулась.

Я сглотнула. Времени меньше, чем мы думаем? Еще десять минут назад я проклинала медленный бег времени, а сейчас меня словно током ударило. Я растерянно взглянула на Себастьяна.

Мужчина смотрел куда-то вдаль, словно мог видеть через стену. Наша перепалка его абсолютно не волновала. Александра обратилась к нему на каком-то незнакомом языке, он кивнул, подошел ко мне и что-то сказал.

– Тебе не нужно раздеваться, – перевела морская.

Себастьян наклонился и бережно провел рукой по моему животу. Потом он достал стетоскоп, прослушал в нескольких местах и бросил отрывистую фразу Александре. Она вся так и расцвела.

– Судя по сердцебиению, ребенок здоров. И готов появиться на свет совсем скоро!

Пока я переваривала новость, Себастьян достал из своей сумки инструменты и снова что-то сказал.

– Сейчас он возьмет у тебя кровь на гормоны. Тогда можно будет сказать совсем точно!

Я приготовилась к уколу, но мужчина лишь приложил прибор к моему запястью. Я ничего не почувствовала, но увидела, как на небольшом табло загорелись цифры. Себастьян с невозмутимым видом обратился к Александре с короткой фразой.

– Отлично! – вскинулась она. – Себастьян остается здесь! Потому что ты родишь уже на этой неделе!

Я. Рожу. На этой неделе. Раз десять я произнесла про себя эти слова, прежде чем осознала их смысл.

Себастьян быстро собрал свои инструменты и, махнув мне на прощание, вышел. Александра отправилась проводить его до ворот. Пока они шли по дому, я слышала ее громкие восклицания и его отрывистые короткие ответы. Похоже, великий врач был не из разговорчивых.

Первым моим порывом было позвонить Саймону. Дрожа от возбуждения, я приподнялась в джакузи и схватила мокрыми руками телефон. Но потом отложила его и задумалась. Я представила любимого рядом с той девушкой – Жанной. Почему он сейчас не со мной, а с ней? Неужели он не догадывается, как мне трудно? Конечно, если я сообщу ему новость, Саймон бросит все и приедет. Но почему он не может сделать это сам, без моего звонка? Я кинула тоскливый взгляд в зеркало напротив. То, что я увидела, мне не понравилось. Влажные волосы прилипли ко лбу, от этого отекавшее лицо казалось непропорционально большим. А живот и вовсе стал огромным – разве можно сравнить меня с этой безупречной Жанной? Я отвернулась от зеркала и тихо опустила в воду.

– Ты уже сказала ему? – с порога поинтересовалась Александра.

Я только покачала головой. Она схватила телефон:

– Сейчас я позвоню!

– Пожалуйста... не надо! – взмолилась я.

Она послушно положила мобильник.

– Ой, прости, ты сама хочешь...

– Ничего я не хочу. Ничего. Скажу ему потом, когда сам позвонит.

– Как я плохо понимаю вас, людей... – вздохнула Александра, опускаясь на корточки рядом с джакузи. – Но почему у тебя такое расстроенное лицо? Ты боишься?

– Нет, – соврала я. Хотя на самом деле очень боялась и родов и того, что должно было последовать дальше.

Мы поболтали с ней до обеда. Я с огромным трудом заставляла себя изображать хорошее настроение и смеяться ее шуткам. Все же это было лучше, чем в одиночестве читать о том, как Анна Каренина бросилась под поезд. Я видела, что Александра то и дело бросает нетерпеливые взгляды на мой телефон: ей не терпелось сообщить Саймону новость. Но он так и не позвонил. Около часа Александра умчалась по магазинам, я уже давно обещала ей, что все вещи для малыша будет покупать она.

В два Саймон тоже не позвонил. Зато пришла Надя.

– Прикинь, под дождь попала! – радостно сообщила она, вытирая потекшую тушь с загорелых щек.

От подруги пахло свежестью и дождем. Как будто лучик солнца с воли попал в мою унылую тюрьму.

Вместо обычного допроса о моем состоянии Надя достала из сумки толстый блокнот.

– Полин, ты готова поработать? – спросила она. – Нужно, чтобы ты заполнила тест. Ну, пожалуйста! – заныла подруга, увидев мое недовольное лицо. – Нам дали такое задание: провести тест и интер... тьфу, забыла слово... – она наморщила лоб и полезла в блокнот, – а, вот... ин-тер-пре-тировать результаты.

Я покорно взяла блокнот и ручку. Ну и вопросы! Испытываете ли вы страх перед будущим? Есть ли у вас проблемы в выражении своих чувств? Есть ли у вас тайны от близких друзей? Я перевернула страницу – ого, восемьдесят четыре вопроса! Но тест немного отвлек меня от ожидания звонка.

Было уже почти три, а Саймон так и не позвонил. Я проставила крестики в нужных графах, и Надька, шевеля губами, принялась подсчитывать результаты. Наконец она закончила и углубилась в свои записи.

– Ну вот. Как я и думала, у тебя большие проблемы! – констатировала подруга, захлопывая блокнот. Она выпучила большие карие глаза и уставилась на меня странным, немигающим взглядом.

– Только не надо репетировать на мне взгляд великого психотерапевта! – рявкнула я.

– Лучше быть недоучившимся психотерапевтом, чем русалкой в ванне! – парировала Надька. – А ты, между прочим, находишься в состоянии, – она выдержала паузу, затем выпалила: – Крайнего! Психического! Напряжения!

– Тоже мне удивила! – фыркнула я. – Посмотрим, как ты останешься спокойной за неделю до родов!

Карие глаза подруги округлились еще больше, она выхватила из сумочки пачку сигарет. Потом спохватилась:

– Тьфу! Тебе же вредно! – Отбросив пачку, Надька на мгновение притихла.

– Как же так? Так быстро... Это ведь... невозможно? – Она робко покосилась на меня, словно боясь услышать ответ.

Неожиданно вода в джакузи забурлила: неловко дернувшись, я задела кнопку. Я приподнялась над водоворотами, не сводя с Надьки глаз. Еще неделю назад мне казалось, что можно скрыть от нее правду. Но сейчас, когда выяснилось, что ребенок вот-вот родится, я понимала, что должна что-то сказать ей. Что-то правдоподобное, что примирит ее с этой ненормальной ситуацией. Я решилась сказать то же, что мы с Саймоном сообщили отцу.

– Ты никому не расскажешь? – спросила я, напрягая голос, чтобы его не заглушил шум бурлящей воды.

Надя кивнула, завороченно глядя мне в глаза. Лицо у нее было как у ребенка, которому рассказывают страшную сказку – ему и страшно и любопытно одновременно.

– У Саймона есть проблемы. Над ним проделали эксперимент, и он теперь не такой как все.

Я увидела, как потемнели ее глаза.

– Я не буду тебе объяснять, что с ним. Но беременность у меня необычная из-за этого.

– А это... Это не опасно?

– Доктор сказал, что все идет нормально...

– Тот самый доктор, который заставляет тебя сидеть в воде? – недоверчиво вскинулась она.

– Да. Тот самый, – улыбнулась я – Это очень хороший доктор, и со мной все будет хорошо! Вода наконец перестала бурлить, стало очень тихо. Помолчав, Надька спросила:

– Точно?

– Обещаю.

Я знала, что подруга так просто не отступится и мне придется рассказать ей о Грасини – приближенную к правде версию. Надя восприняла ее на редкость спокойно. Хотя удивительные таланты Грасини заинтересовали ее.

- А меня они тоже могли бы изменить, эти Грасини? – спросила она задумчиво.
- Ты и так прекрасна! – отшутилась я через силу.

Мне стало как-то нехорошо, Надькино яркое лицо расплывалось перед глазами, вода в джакузи стала казаться холодной. Я уже не могла следить за временем: циферблат казался белым пятном на голубой стене.

- Надь, сколько времени?
- Почти пять, – ответила подруга. Ее голос звучал, как будто из трубы.

Саймон до сих пор не позвонил мне. Мысль промелькнула в голове и вдруг сменилась яркой вспышкой.

- Полина! Вода! – услышала я далекий голос подруги.

Я медленно опустила отяжелевшую голову вниз и увидела, что вода в джакузи почему-то порозовела. С каждой минутой она становилась темнее. Я хотела сказать Наде, чтобы она срочно позвонила Александре, но тут тело пронзила острая боль. Как будто живот проткнули толстым металлическим прут. Дальше время двигалось скачками. Минуты боли тянулись очень долго, прут то медленно пронзал меня, то поворачивался в теле, то начинал двигаться быстрыми рывками. Потом наступали минуты облегчения, которые пролетали молниеносно. Я видела, как Надька мечется с телефоном, потом появились Александра с Себастьяном. Прохладные пальцы врача нежно пробежались по моему телу. Прикосновение принесло секундное облегчение, которое сменилось нестерпимой болью. В какой-то момент, когда боль отпустила, меня обожгла мысль о том, что Саймона нет рядом. Шею будто охватила удавка, я задыхалась и мечтала о том, чтобы скорее снова пришла боль – только бы не думать о Саймоне!

В дверном проеме появилось перепуганное лицо Надьки, я увидела, как Александра возмущенно повернулась к ней и что-то крикнула, но не слышала звука. Надька исчезла. Невозможное лицо Себастьяна, склонившегося надо мной. Вода багрового цвета. Александра с каким-то свертком в руках. Наверное, это мой ребенок. Но почему такая тишина? Почему мой ребенок не кричит? Что с ним???

- Что с ним? Что с ним? Что с ним? – Я обнаружила, что повторяю это вслух.

Себастьян произнес непривычно длинную для себя тираду. Александра повернулась ко мне.

– Все нормально. Это мальчик. – Она немного замялась и продолжила: – Себастьян не знает, почему он не кричит. Он еще никогда не принимал ребенка, родившегося от морского. Может быть, это нормально... – Она с сомнением взглянула на молчащий сверток.

Острая боль в теле отступила, я ощущала себя невесомой, как во сне. Но я не чувствовала ни радости, ни умиротворения. Себастьян подошел ко мне и легко поднял на руки. Он перенес меня в спальню. Обнимая врача за прохладную шею, я думала о том, что на его месте должен быть Саймон.

- Сколько... времени?... – прохрипела я.

– Семь, – коротко бросила Александра, садясь на краешек кровати. – Посмотри, какой он хорошенький! – Она протянула мне сверток.

Я мельком взглянула на бледное личико с плотно закрытыми глазами и отодвинула его от себя.

- А где Саймон?
- Он... только не волнуйся, Жанна сейчас привезет его... – Александра отвела глаза.
- Жанна? Почему она? – прошептала я.
- Ему лучше не садиться самому за руль, он сегодня едва не утонул.

Несмотря на трагизм ситуации, я не могла не улыбнуться.

- Саймон? Утонул?

Александра озабоченно наклонилась ко мне:

- Как ты себя чувствуешь, Полина?

– Хорошо! – прохрипела я. – Достаточно хорошо, чтобы понимать, что морской не может утонуть...

– Тебе лучше сейчас поспать. Скоро он сам придет и все объяснит. Сейчас Себастьян сделает тебе укол...

– Нет! Я не буду спать! Не буду! Не буду! – Мне хотелось приподняться, но тело не слушалось. Я беспомощно дергалась, как опрокинутый на спину жук. В комнате бесшумно появился Себастьян. Мягкими шагами он подошел к кровати и положил руку мне на лоб: сразу же стало легче, тяжесть, пригвоздившая тело к кровати, немного отступила.

– Поспи чуть-чуть... – снова принялась уговаривать Александра.

И тут в дверном проеме появился знакомый стройный силуэт. Одним прыжком Саймон оказался около кровати, его бледное лицо с потемневшими глазами нависло надо мной. Я обхватила шею любимого.

– Ты жива. И он жив... – чуть слышно прошептал Саймон, глядя мои волосы.

Александра тихо положила ребенка рядом с нами и вышла из комнаты вслед за Себастьяном. Саймон оторвался от меня и первый раз посмотрел на малыша. Тот крепко спал. Его маленькое восковое личико казалось неживым, как у куклы. Саймон нежно провел пальцем по его щечкам.

– Он похож на тебя, Полина.

Я присмотрелась к маленькому незнакомцу. Как трудно привыкнуть к мысли, что у тебя есть ребенок! Мне хотелось увидеть его глаза, но малыш крепко спал. Наш с Саймоном малыш...

Я соображала еще очень медленно, сил совсем не было. Но постепенно мысли возвращались, и я вспомнила:

– А что с тобой случилось? Александра сказала какую-то глупость, что ты чуть не утонул...

Саймон прижал палец к моим губам:

– Напрасно она взволновала тебя, ничего страшного. Просто я опустил глубоко под воду и вдруг почувствовал... Не знаю, как это тебе объяснить... Как будто сквозь меня потекли потоки воспоминаний. Это было очень странно, я потерял ориентацию... на некоторое время... Спасибо Жанне, которая вовремя забила тревогу и помогла мне выбраться.

Саймон был бледен, под глазами у него залегли темные круги, как это обычно бывало, когда он долго обходился без воды. И в то же время он улыбался – лукаво и даже немного самодовольно. Эта улыбка показалась мне неуместной.

– Чему ты радуешься? – резко спросила я.

Саймон кивнул на малыша:

– Вы вместе с ним сделали это! Я пережил изменения, Полина! Правда, произошло это не в самый подходящий момент...

– Ты едва не погиб!

– Но я изменился... Не знаю, стал ли я человеком, но что-то началось, я это почувствовал там, под водой...

И тут меня обожгла мысль – из-за меня он едва не погиб! Он начал меняться в тот момент, когда происходило рождение малыша. Если бы я позвонила ему, может быть, ничего бы не случилось. Неприятная тяжесть опустилась на сердце, я замерла на кровати, тупо уставившись в потолок.

Когда я решила взглянуть на любимого, то увидела, что и он смотрит в потолок. Но лицо у него было таким мечтательным, как будто там показывали увлекательный фильм.

– Саймон, о чем ты думаешь?

– О будущем. Я первый раз увидел его не однообразной чередой столетий... Я представил, как Адриан делает свой первый шаг, а мы держим его за руки.

– Адриан?

Саймон немного смутился.

– Если ты не против, я бы хотел так назвать его. Это имя произносили голоса в бездне...

Странно, но в этот момент мне показалось, что я уже давно хотела назвать малыша именно так. Как будто и мне кто-то нашептал это имя. Я произнесла, словно пробуя на вкус:

– Адриан... Моего сына зовут Адриан...

Глава 6

Я открыла глаза и увидела, что Саймон стоит у окна. В полутьме его поза показалась мне странной. Вглядевшись, я сообразила, что он держит на руках нашего сына. Он чуть отодвинул штору и внимательно всматривался в лицо Адриана. Первое, о чем я подумала: кажется, этой ночью Саймон не вставал, чтобы окунуться в морскую воду. Или я так крепко спала, что ничего не слышала?

Я осторожно приподнялась на постели, ожидая в любую минуту вспышки боли. Но тело было легким, я чувствовала себя прекрасно. Услышав, что я зашевелилась, Саймон медленно повернулся. Не знаю, стал ли любимый человеком, но он остался таким же прекрасным, как и был.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он.

– Отлично!

Саймон приблизился и подозрительно всмотрелся в мое лицо:

– Ты меня успокаиваешь?

– Нет. Мне действительно очень хорошо...

Он еще некоторое время сверлил меня взглядом.

– Наверное, надо покормить его? – сказал наконец он, переведя взгляд на Адриана.

Тут только я поняла, что бессовестно проспала всю ночь, даже не вспомнив о сыне.

– Он же наверняка весь мокрый! – ахнула я.

Саймон отвел взгляд.

– Нет. Я разворачивал его.

– Этого не может быть! – закричала я. – Дай его мне!

Дрожащими руками я принялась раскручивать пеленку, как вдруг зазвенел колокольчик.

– Это Александра и Себастьян. Он осмолит тебя и малыша, – кинул мне любимый, выходя из спальни.

Я впиалась взглядом в маленького Адриана. Худенькое безжизненное тельце, плотно закрытые глаза с длинными темными ресницами. Я погладила маленькую, еще мягкую головку, плечики, ручки, сжатые в кулачки, – все бесполезно, он не просыпался. Сердце пронзили страх и острая жалость.

Дрожащими руками я прижала его к груди, набухшей молоком. Маленькая головка казалась кукольной, лишь по движению выступавших ребер я понимала, что малыш жив и дышит. Я замерла, ощущая теплоту своего ребенка. В наступившей тишине слышно было, как тикают часы.

Потом послышались шаги, и в спальню в сопровождении Саймона зашли Александра и Себастьян. Врач бесперемонно забрал у меня Адриана и передал его Саймону. Попросив их выйти, Себастьян внимательно осмолит меня и снова взял анализ крови. Глядя на цифры на дисплее, он довольно заулыбался и даже сказал мне что-то, хотя я не поняла ни слова. Зашли Александра и Саймон.

– Себастьян очень доволен тобой, – перевел Саймон. – Ты восстановилась очень быстро. И он разрешает тебе встать.

Александра за его спиной торжествующе скрестила руки над головой и подмигнула мне. Лицо Саймона озарила радость, но уже через мгновение его сине-серые глаза стали пасмурными. Он протянул Себастьяну ребенка. Тот в своей обычной сдержанной манере задал несколько кратких вопросов. Я видела, как с каждым ответом Саймона мрачнело лицо врача. Он положил Адриана на кровать рядом со мной и долго осматривал. Он слушал его, делал какие-то анализы, ощущал каждый сантиметр тела. Мое сердце билось так, что, казалось, вот-

вот разорвет грудную клетку. Весь мир сосредоточился в хмуром лице Себастьяна. Наконец врач заговорил.

– Он говорит, чтобы ты не волновалась. Жизнь Адриана вне опасности. Но он... Себастьян пока не понимает, что с ним, – переводил Саймон. – Для полного обследования мы должны поехать к нему в клинику. Если мы обратимся в местную больницу, столь необычный ребенок вызовет излишний интерес, а в его албанской лаборатории есть вся необходимая аппаратура.

– В Албании? – удивилась я. – Так далеко?

– В его лаборатории самое современное оборудование. И там нас никто ни о чем не спросит. Мы поедем сегодня же.

Когда Себастьян и Александра ушли, позвонила Надька.

– Привет, мамаша! – хрипло поприветствовала меня она. – Как самочувствие? Как сынок – не шалит? Спать-то хоть дал тебе?

– Все нормально, – соврала я, хотя сердце разрывалось от боли.

– Полин, а ты своих уже обрадовала? – уже не так бодро спросила Надя.

– Нет пока. Надь, ты не говори никому... – попросила я. – Пожалуйста!

– Твое дело, подруга. Надеюсь ты не дотянешь до того времени, когда он пойдет в школу, – сухо возразила она. – Навестить-то вас можно?

– Давай не сегодня. Нам надо врачу показаться, вернемся, наверное, поздно, – эта фраза далась мне с трудом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.